

Анастасия Шинакова

г. Барнаул

Парень из бара

Приглушённый свет прикрывал укромные углы бара и высвечивал посетителей лишь ленивыми штрихами. Весёлые компании уже разошлись, пары уединились кто где смог. И лишь особо настырные посетители редкими островами маячили по залу. Бармен, уже не стесняясь, залипал в телефоне, устало поправлял растрё-

панную шевелюру и с плохо скрываемым раздражением принимал заказы на очередные порции алкоголя.

Среди этих одиноких островов был и он. Тот, что один сидел за высокой стойкой и мозолил глаза бармену. В бокале плескалось тёплое коричневое пиво, которое он цедил мелкими глотками, от чего его слегка подташнивало. Клонило в сон, то ли от плавных изгибов музыкального фона, то ли от алкоголя, а возможно, дело было в том, что стрелка часов указывала четыре часа утра.

Пора было уже идти домой, возвращаться к своей опостылевшей жизни, в свою шкуру. Не хотелось.

Сжал крепче ручку пивного бокала. Пальцы побелели. Сделал ещё большой глоток. Громко отрыгнулось. Поморщился и упрямо заглотил еще горечи. Стойка закачалась маятником.

Хлопнула дверь, и громко зацокали каблук.

Он обернулся на звук. К стойке шагала высоченная блондинка, на высоченных шпильках. Шла пошатываясь, но тем не менее компенсировала это наглым напором. У стойки манерно уселась и хриловатым голосом попросила бокал красного вина.

Бармен посмотрел оценивающе, но, видно, не нашёл ничего примечательного. Взгляд его потух и стал безучастным.

Он тоже покосился, невольно вынося приговор, по-мужски, как положено: скользнул взглядом по фигуре, лицу девушки, ощупывая, примеряясь... Девушка вырисовывалась явно на большого любителя, её трудно было назвать хрупкой или женственной: слишком высокая, слишком угловатая, слишком широка в плечах, да и одета довольно вычурно. Черты лица грубоватые, но глаза!.. Глаза... Ярко-голубые глаза, такие пронзительные и чистые, что казалось, по радужке неосторожно разлили часть летнего неба.

Она не опускала взгляда, как это принято у девушек, и пристально, даже нагло, смотрела в его собственные, ничем не примечательные, грязно-коричневого цвета с зеленым оттенком глаза. Нутром, видно, почувствовала его интерес – прошаренная. Подошла, ухмыльнулась, попросила закурить. Выражение лица самоуверенное, даже

самодовольное: такое лицо бывает только у тех, кто привык приковывать к себе внимание, кто привык во всем быть первым и ни в чём никогда не сомневаться.

– Не курю! – резче, чем того требует вопрос, отрезает он, чувствуя неловкость и стеснение оттого, что она вот так нависает над ним.

Трудно ощущать себя мужчиной, когда она на голову выше. Но причина грубости даже не в этом! Ему становится не по себе от нахлынувшего трепета, от взрыва гормонов. Оттого, что пульс учащается. Это ненормально.

– А что так? – ухмылка становится шире.

Смотрит в упор – уверенно, дерзко! Вот и попался в капкан мальчик!..

– Вредно! – нарочито безразлично пожимает плечами он, надеясь, что она отвалит.

– А тебе никто не говорил, что ты слишком смазлив и усы с этой бородёнкой тебе не идут? – вдруг прямо бросает она.

Он чувствует, как щёки его становятся пунцового цвета, она садится на соседний стул, с победной ухмылкой и с вызовом смотрит на него.

– А тебе никто не говорил, что это невежливо, такое говорить! – выдавливает он, чувствуя себя еще большим идиотом. – Знаешь, я сюда пришёл, чтобы побыть одному.

– И я тоже, – кивает она. – Давай побудем одни вместе? Просто поговорим, – торопливо добавляет она, заметив, как он напрягается. – Без имён и без повода.

И поговорили.

Потом бродили по городу, оба уставшие после бессонной ночи, но отчего-то счастливые. Разговоры были ни о чём и смех тоже ни о чём.

Она сняла туфли и шлепала по шершавому асфальту босыми ногами. То и дело поправляла свои волосы, оголяя тату на шее. Кружилась голова от её запаха, от её голоса, от её слов. От желания близости с ней он чувствовал неловкость, а потому ляпал глупости, пытался зацепить, но вместе с тем всё больше доверялся.

Гудели машины, уличные музыканты пели грустные песни о безнадежной любви. Люди спешили на работу, потом с работы. Но всё это были лишь декорации для двоих.

По-мальчишечьи вдруг она стала пинать брошенную кем-то пластиковую полторашку, пока он не подобрал её и не выкинул в урну. Она обозвала его занудой и потребовала, чтобы он угостил её сладкой ватой, а когда он попытался выполнить её желание, объявила себя независимой женщиной и купила обоим мороженое.

Пришли вечер и усталость.

Они стояли друг против друга, желая объятий и поцелуев, но оба знали, что нет, этого не будет. Прощаться не хотелось – оба понимали, что навсегда.

Она быстро чмокнула его в щеку и села в такси.

А он, покачиваясь, отправился домой пешком.

Пикнул домофоном, зашёл в прокуренный подъезд. Поднялся на свой этаж, стараясь не шуметь, осторожно повернул ключ в замке и проскользнул в дверь, бесшумно прикрыв её за собой.

Однако на пороге уже выросла грозная фигура матери. Смотрит осуждающе. Руки в боки.

– Опять?! – побелевшими от гнева губами зло выдохнула ему в лицо мать и крепко вцепилась в его тонкое запястье. – Я записала тебя к психологу! Замуж пора, а ты дурью маешься, третий десяток бабе!

Молчание в ответ.

Наконец удалось вырвать руку из цепких материнских пальцев и проскочить щучкой в комнату. Глотая слезы, подпереть дверь.

Мать что-то ещё покричала вслед. Утихла, хлопнула дверью в свою спальню, послышалось бурчание телевизора.

Можно выдохнуть. Посмотреть в зеркало. Стянуть короткий ёжик волос, расплести из тугого узла каштановое каре. Убрать густые брови, дурацкие усики и бородку клинышком. Снять рубаху и джинсы.

Стала рассматривать свои очертания. Высоковата для девушки и тощая, грудь маленькая, легко спрятать. Плавные женские изгибы. Нежная кожа тонкая, беззащитная.

Затрясло от отвращения. Поспешно отвернулась. Зажмурилась. Легла в постель, свернулась калачиком, слёз больше не было. Душили злость и стыд. И образ белокурой девушки, такой надёжной, такой уверенной в себе.

Как объяснить, что порой так сильно себя ненавидишь, что хочется побыть кем-то другим, но не собой? Ненавидишь своё тело, свою слабость, саму свою женскую природу. Ненавидишь свою женскую судьбу, которая когда-нибудь грянет. Ведь женщина даже не человек, она сосуд, который заполняет сначала мужчина, потом ребёнок, а потом она просыпается и понимает, что стара и никому не нужна. Ей так хотелось бы быть не собой. Не жалкой, закомплексованной, стеснительной девушкой, а стать парнем, свободно пьющим пиво в баре, у которого есть свой байк и который может колесить на нём по миру. Женское хрупкое тело ни на что не способно, женский разум ничего не может. Одни сплошные чувства, одно сплошное желание отдаваться. И никакая феминистическая чушь этого не изменит.

Мужчины её пугали, они были другие, опасно привлекательно другие. Она не могла с ними быть собой, она стеснялась себя, своей женственности, боялась показаться слабой, уязвимой. А с этой девушкой она ощущала себя спокойно. Она впервые за всё время чувствовала себя надёжно защищённой. Эта девушка была другой, она вела себя, как мужчина. Она была свободна от своей женственности.

Но нет, не нужно себя обманывать. Это было не восхищение её независимостью, это была влюблённость. Слепая и безжалостная.

Нравилась ли ей так другие девушки? Испытывала ли она к девушкам такое дикое влечение прежде?

Нет, даже сама мысль, что это девушка, трезвила, заставляла чувствовать всю извращённость подобного желания.

Вдохнула. Что же ей теперь делать? Пора признать, что она ненормальная. Пора признать, что она больна, пора идти к врачу. Сейчас один выход – психолог. Он взмахнёт палочкой, и она станет нормальной. Выдохнула.

***

Белокурая блондинка подъехала к своему дому. Встала у подъезда, покурила. Многоэтажка смотрела жёлтыми глазами освещённых окон, надменно и безразлично.

Брезгливо сплюнула.

В подъезде встретила старую соседку, недовольно покосилась и поджала губы, но так и не сдержалась и прошипела:

– Что опять за маскарад, Артём?!

– Вживаюсь в роль, Людмила Васильевна! – улыбнулся он и, лукаво подмигнув ей, отвернулся к своей двери, спешно ковыряясь в замке. Зло подумал, что только этой клуши ему сейчас не хватает.

– Да тебя ж давно с театра твоего выгнали, – сварливо заметила старуха.

– Искусство – это жизнь! – философски изрекла «блондинка» и шмыгнула в своё жилище, захлопнув дверь перед самым носом любопытной соседки.

Размахнулся ногой, и туфля полетела на диван, вторая – на стол. Стянул с себя женское тряпье, оголяя тощий торс. Снял парик, смыл грим. От обилия косметики кожа чесалась и слезились глаза. Тщательно умылся, посмотрел на себя в зеркало.

– Теперь ты не так красив, – усмехнулся он, но собственная шутка разозлила.

Отражение испуганное, нет привычного довольства собой, лишь растерянность и презрение.

– Доигрался?! Довживался?! – закричал он на себя, уже не прикрывая злость юмором. – Гомосек! Теперь можешь вступать в гейские клубы, придурок!

Он сжал руки в кулаки, прошёлся по комнате, потрянул головой, но парень из бара никак не вытряхивался...

Взял пиво в холодильнике, включил чертов телик. Скинул с дивана туфлю, улёгся.

«Чёрт, да он женственней любой бабы, которую я когда-либо знал! Всё, пора завязывать с этими играми! Интересно, если я завтра приду в этот бар самим собой, узнает ли он меня?»

– Узнает и набьёт тебе рожу, – прошептал он. – Вполне заслуженно.

Вздыхнул и решил, что пора завести себе девушку.